БИТВА СЪ ИНДѢЙЦАМИ.

Лѣтъ 30 тому, на сѣверѣ Америки было еще мало поселеній и купецкіе корабли ходили къ этимъ берегамъ только для промѣна бусъ, бисера, ножей — и на бѣду свою также ружей и пороха, — на рухлядь. Корабль, на которомъ я служилъ штурманомъ, занимаясь уже нѣсколько мѣсяцевъ этою мѣною, подвигался изъ бухты въ бухту далѣе на сѣверъ. Старикъ индѣецъ, прибывшій къ намъ на челнокѣ, вызвался привести насъ въ безопасную бухту, гдѣ обѣщалъ очень выгодную мѣну. И точно, онъ привелъ насъ къ удобному якорному мѣсту, прикрытому съ моря островкомъ. Но мѣсто было тѣсное и мы стояли не далѣе тридцати саженъ отъ береговъ.

Индѣецъ, котораго мы прозвали Присѣдалой, за то что онъ припадалъ каждый разъ, когда мы стрѣляли изъ ружья, оставилъ насъ, а мы, осмотрѣвшись, взяли кой–какія осторожности, зная, что здѣшнимъ дикарямъ нельзя класть пальца

въ ротъ. Вскорѣ онъ воротился съ товарищами и мы выгодно вымѣняли у нихъ до сотни бобровъ и выдръ; они обѣщали привезти еще много товару и шкиперъ рѣшился простоять тутъ нѣсколько дней. Присѣдало и товарищъ его Русъ остались на суднѣ, прочіе воротились на берегъ, куда отправилась и часть нашихъ. Но весь берегъ былъ покрытъ непроходимымъ, вѣковымъ лѣсомъ, почему мы сѣли опять въ шлюпку и переѣхали на островъ, за которымъ стояли.

Здѣсь мы нашли слѣды индѣйскаго стана и много огнищъ; а расхаживая по острову, мы вскорѣ нашли дурныя для себя примѣты: здѣсь очевидно сожжено было по частямъ европейское судно; по остаткамъ видно было, что все желѣзо, гвозди, петли, крючья были отодраны и вынуты. Я, призадумавшись, сѣлъ на плиту, которая подо мною покачнулась; желая поправить ее, я увидѣлъ подъ нею кусокъ аспидной же плиты, съ надписью. Вытащивъ ее, я созвалъ товарищей и прочиталъ:

«Дикіе заманили сюда 9–го іюня 1784 года американскій промысловый бригъ Боберъ, напали и вырѣзали его ночью, а потомъ сожгли.»

Положеніе наше было не завидно. Шкиперъ хотѣлъ бы сняться съ якоря и уйти, но вѣтеръ былъ противный. Оставалось утѣшиться тѣмъ, что Боберъ, вѣроятно, былъ вырѣзанъ другимъ племенемъ, а наши пріятели, Присѣдало и Русъ, были на видъ простостодушны и, казалось, зла не замышляли. Шкиперъ приказалъ намъ однакоже остерегаться, не пускать вдругъ болѣе трехъ гостей на судно и держать ночью строгій караулъ.

Русъ и Присѣдало ничего не знали о погибшемъ здѣсь за нѣсколько лѣтъ суднѣ, а выпросились ночевать у насъ. Оба старика эти были безоружны и очень сдружились съ нами. Въ ожиданіи продолженія выгодной мѣны, имъ шкиперъ позволилъ переночевать на шканцахъ. Они оба давно уже спали крѣпкимъ сномъ, когда я въ полночь вышелъ на вахту и присѣвъ безпечно у борта — не могу

сказать что задремалъ, — но забылся, вспоминая прошлое. Вдругъ мнѣ платкомъ затянули ротъ и въ тоже время руки мои были за спиною какъ скованныя... оглянувшись съ трудомъ, я увидѣлъ за собою Руса и Присѣдала. Они связали меня по рукамъ и по ногамъ, а платокъ во рту не давалъ мнѣ подать голоса. Я былъ одинъ наверху; матросъ, назначенный на часы, сошелъ въ низъ, и этою–то оплошностію враги наши воспользовались. Вывѣсивъ для знака товарищамъ своимъ фонарь за бортъ, они сами стали на часы у люковъ. Не прошло десяти минутъ, какъ кругомъ изъ за–борта, молча, стали показываться дикари, какъ тѣни; они приставали къ судну и поднимались на него такъ тихо, что я ихъ только видѣлъ, но почти ничего не слышалъ. Они заняли люки и перешептывались.

Я услышалъ голосъ шкипера, который меня звалъ; я едва могъ промычать горломъ и несчастный начальникъ нашъ, не слыша отвѣта и не зная что дѣлается, сталъ подыматься по трапу... каждая ступня его

отдавалась у меня какъ ножъ въ сердцѣ: я зналъ, что его ждетъ. Едва показалась непокрытая голова его сверхъ люка, какъ раздался по ней глухой ударъ кистеня, которымъ можно было свалить быка. Разбойники, не давъ убитому упасть, подхватили его подъ руки и выкинули за бортъ.

Убивъ капитана, дикари закрыли и заколотили всѣ люки. Въ палубѣ сдѣлалась тревога, но поздно. Увѣрившись въ побѣдѣ своей, разбойники развязали мнѣ ноги, ослабили веревку на рукахъ, сняли повязку со рта и, подведя къ люку, знаками приказывали мнѣ объясниться съ плѣнными товарищами.

Я подалъ голосъ — помощникъ шкипера обозвался и спрашивалъ, что сталось?

Капитанъ убитъ, сказалъ я, люки заколочены, а я здѣсь въ плѣну. Думай, и будь остороженъ!

Помолчавъ нѣсколько, товарищъ мой спросилъ: Воленъ ли ты въ словахъ своихъ, можешь ли говорить?

Меня двое держатъ, отвѣчалъ я, и заставляютъ говорить съ тобой — но можетъ быть они нѣсколько понимаютъ языкъ нашъ.

Такъ и мы понимаемъ другъ друга, сказалъ тотъ: много ль вамъ лѣтъ на шканцахъ?

Годовъ тридцать будетъ, отвѣчалъ я, понявъ, что онъ спрашиваетъ много ли дикихъ.

Съ хлопушками, продолжалъ онъ, или только съ игрушками?

Съ пятокъ хлопушекъ будетъ, но игрушками также не шути: къ рукамъ пришлись.

Индѣйцы, видно смѣтивъ, что мы говоримъ лишнее, оттащили меня опять и посадили на ютъ. Русъ былъ старшина, ему всѣ повиновались; онъ ждалъ разсвѣта и подкрѣпленія. Такъ прошла ночь. Со свѣтомъ, по рѣзкому свисту Руса, которому отвѣчали изъ лѣсу, индѣйцы стали прибывать толпами; я насчиталъ ихъ болѣе сотни. Меня развязали вовсе; я завидовалъ товарищамъ своимъ, которые, сидя въ низу,

могли бы за одинъ разъ поднять и себя и разбойниковъ этихъ на воздухъ.

Они собрали нѣсколько концовъ, спустили ихъ на ялъ нашъ, привязали одинъ конецъ къ мачтѣ нашего судна, взяли ялъ лодками своими на буксиръ и передавъ конецъ на островъ, при входѣ въ бухту, принялись тащить туда судно наше. Они недоглядѣли, что оно стояло на якорѣ; но смѣтивъ скоро въ чемъ дѣло, отыскали топоръ, отрубили канатъ и опять принялись на островкѣ за веревку.

Въ это самое время изъ шкиперской каюты раздался ружейный залпъ: я вскочилъ — крикъ и вой дикихъ указалъ мнѣ куда глядѣть; я увидѣлъ, что наши подстерегли и перебили ихъ одиннадцать человѣкъ, проѣзжавшихъ мимо на двухъ лодкахъ. Нѣкоторые изъ дикихъ бросились было на меня, но Русъ, вѣроятно предвидя что я имъ еще нуженъ, или считая меня невольникомъ своимъ, погрозилъ имъ и они отошли. Часть дикихъ кинулась на берегъ, подхвативъ убитыхъ и раненыхъ; другая была на острову и тащила туда судно наше,

но обѣ шайки были раздѣлены и первые не смѣли приблизиться къ кормѣ нашего судна, ни пройти мимо его къ острову.

Дикари на острову, въ злобѣ своей, стали тянуть бичеву съ такою силою, что порвали ее; судно было на ходу къ острову и отливомъ несло его туда же; стоя у штурвала, среди дикихъ, я невольно положилъ право руля — и судно наше не ударилось на мель, а покатилось въ лѣво и вошло въ проливъ, ведущій въ открытое море. Я и самъ не знаю какъ и почему я это сдѣлалъ; я не могъ надѣяться спасти судно; но привычка великое дѣло: мы шли прямо на берегъ, руль былъ у меня въ рукахъ — и я положилъ его право, чтобы не удариться о берегъ. Дикари были перепуганы, не совсѣмъ понимали то, что я сдѣлалъ, и сами не знали что начать. Большая часть ихъ бросилась за бортъ и поплыла къ острову — но до 25–ти человѣкъ и съ ними Русъ остались, хотя судно наше несло теченіемъ мимо острова въ море. Я былъ въ страхѣ и надеждѣ, не зналъ что будетъ и про себя молился. Я

хотѣлъ было открыть одинъ люкъ, но толчекъ кистенемъ и ножъ въ рукахъ Руса заставилъ меня отойти.

Между тѣмъ судно вышло изъ пролива и легкій вѣтеръ понесъ его далѣе отъ берега. Дикари опомнились: Русъ подошелъ ко мнѣ и замахнувшись нѣсколько разъ ножомъ, приставилъ его къ груди моей, требуя знаками, чтобы я правилъ къ берегу. Я объяснилъ ему, что вѣтеръ отъ берегу, и что во всякомъ случаѣ безъ парусовъ ничего нельзя сдѣлать. Онъ понялъ меня и требуя указанія какой парусъ и какъ отдавать и ставить, тотчасъ самъ съ товарищами принялся за работу, продолжая впрочемъ грозить мнѣ по временамъ ножемъ.

Такимъ образомъ поставили мы гротъ, фокъ и бизань; дѣло шло очень медленно, потому что дикари не умѣли за него взяться, хотя и старались всѣми силами, и Русъ видѣлъ, что не по моей винѣ насъ отнесло уже на полмили отъ береговъ. Онъ былъ въ видимомъ страхѣ, но надѣялся на меня и на страшныя угрозы свои. Конечно,

они бы давно меня убили, еслибы только съумѣли безъ меня справиться съ судномъ. Они стали нудить меня все болѣе, а я старался объяснить имъ направленіе вѣтра и дѣйствіе парусовъ, доказывая что не въ моей власти перескочить на берегъ и что надо еще прибавить одинъ парусъ — а именно, кливеръ. Они поняли меня и когда мы развязали его и я имъ показалъ кливеръ–фалъ, то они всѣ толпою кинулись подымать его съ такимъ усердіемъ, какъ лучшіе матросы.

Мы отошли отъ берега на цѣлую милю; множество лодокъ съ дикими выѣхало, но всѣ они въ страхѣ и недоумѣніи держались кучкой на половинѣ этого разстоянія. Надобно сказать, что я съ отчаянія закурилъ цыгарку, подавъ другую Русу, который также курилъ; мнѣ пришло въ голову, что дикари въ лодкахъ не могли знать, что у насъ дѣлается и что постановка столькихъ парусовъ должна была ихъ озадачить; пушки наши были заряжены картечью, и въ то самое время, когда судно при поднятіи кливера покатилось къ вѣтру,

а всѣ дикари продолжали съ крикомъ надраивать фалъ его и шкотъ, одно изъ орудій, къ которому я подскочилъ отъ руля, пришлось прямо по направленію лодокъ: не долго думавъ, я приложилъ цыгарку къ запалу — и самъ отскочилъ назадъ, къ штурвалу.

Картечь легла очень близко отъ лодокъ: всѣ онѣ, полагая что мы овладѣли судномъ, быстро пустились къ берегу. Мои дикари со страшнымъ визгомъ бросились ко мнѣ: но они остановились въ страхѣ и недоумѣніи, не зная, я ли причиною этой суматохи; а я указывалъ имъ въ палубу, стараясь увѣрить, что не я выстрѣлилъ, а запертые товарищи мои. Ничего не понимая — хотя въ палубѣ ни портовъ, ни пушекъ не было — дикари со страхомъ и бѣшенствомъ на меня смотрѣли и не знали что дѣлать.

Вѣтеръ былъ слабый, но изрядная зыбь, и къ крайней радости моей я замѣтилъ, что многихъ незванныхъ гостей моихъ, съ непривычки, стало укачивать. Время шло, мы уходили отъ береговъ, и въ отвѣтъ на страшныя угрозы Руса съ братіею, я

отступился отъ руля, показывая, что одинъ не могу справиться со всѣми парусами и что необходимо поставить марсели, безъ которыхъ лавировать нельзя. Я наконецъ однакоже долженъ былъ сдѣлать что нибудь, иначе они бы меня, безъ сомнѣнія, убили; приведя къ вѣтру, я сталъ поворачивать и къ неожиданности моей поворотилъ съ этимъ безтолковымъ экипажемъ и легъ на другой галсъ.

Убѣдившись, что судно идетъ къ берегу, индѣйцы ревѣли и плясали отъ радости, а въ тоже время другихъ рвало; четырехъ такъ укачало, что они растянулись на палубѣ и стонали.

Дикари держались между гротъ и бизань мачтами и не охотно стояли на бакѣ, потому что носъ болѣе качало и имъ страшно было смотрѣть, какъ по временамъ волна обдавала гальюнъ. Я постучалъ въ задній люкъ — штурманъ тихонько отвѣтилъ; идите всѣ къ форъ–люку, сказалъ я, и стойте на трапѣ. Самъ я пошелъ на бакъ, брался за разныя снасти, будто для управленія; часоваго у этого

люка сильно укачало, но онъ былъ вооруженъ отнятыми у меня пистолетами. Люкъ этотъ былъ только покрытъ глухой крышкой и черезъ нея перекинута желѣзная полоса съ наметкой; я вдругъ нагнулся, выдернулъ кляпышъ и откинулъ полосу; часовой припалъ, чтобы удержать люкъ, закричавъ изо всей мочи, но крышка уже слетѣла, весь экипажъ нашъ выскочилъ, а я, обнявъ часоваго съ пистолетами, катался съ нимъ по палубѣ.

Наши встрѣтили толпу дикарей такимъ отчаяннымъ натискомъ, что не далѣе какъ въ десять минутъ вся палуба была очищена. Убитыхъ было не болѣе семи, остальные въ страхѣ сами кинулись за бортъ, и всѣ перетонули; одного только Руса мы вытащили и повѣсивъ на рѣе, подошли къ острову, чтобы показать его дикимъ, съ которыми простились картечью.

Къ закату солнца мы уже все привели въ порядокъ и, оплакавъ несчастнаго шкипера своего, пустились въ дальній путь. Если и моя неосторожность чуть не погубила насъ всѣхъ, то покрайности оставалось мнѣ то

утѣшеніе, что мнѣ уже удалось и спасти судно.